

М. Арцыбашевъ.

Е в ' р е й.

РАЗСКАЗЪ.

Вышло такъ, что второй взводъ третьей роты первого батальона Ашкадарскаго полка, не выпустивъ ни одного патрона и не потерявъ ни одного человѣка, оказался отрѣзаннымъ отъ своихъ.

Какъ это произошло и почему кучка солдатъ въ пятнадцать-двадцать человѣкъ оказалась въ роли самостоятельной боевой единицы, никто изъ нихъ сказать бы не могъ.

Сначала солдаты, въ составѣ всего Ашкадарскаго полка, всю долгую осеннюю ночь усердно и тяжело шлепали по большой дорогѣ, идущей неизвѣстно куда, въ темную, сырую и чужую даль. Курить и разговаривать было запрещено, и темная масса полка во тьмѣ, оцетинившись штыками, похожая на какое-то огромное ежеобразное животное, тихо ворчащее и шелестящее тысячами ногъ, сосредоточенно ползла впередъ. Въ темнотѣ солдаты натыкались другъ на друга, злобно, вполголоса переругивались, скользили въ грязи и по колѣна сѣулыхались въ глубокихъ колеяхъ, полныхъ холодной воды.

— Ну, и дорожка!—тихо вздыхали по рядамъ.

На разсвѣтѣ полкъ остановили и растянули по краю широкаго картофельнаго поля, которое солдаты увидѣли первый разъ въ жизни.

Шелъ мелкій назойливый дождикъ, и сизые горизонты, пологіе и печальные, мутно таяли въ его водянистой дымкѣ.

Направо и налево, насколько хваталъ глазъ, уныло мокли

ряды такихъ же сѣрыхъ солдатъ и офицеровъ, но пасмурнымъ лицамъ которыхъ струился дождь, точно всѣ они плакали о своей судьбѣ... судьбѣ, забросившей ихъ, Богъ знаетъ, куда, на это чужое, незнакомое поле, на которомъ черезъ нѣсколько часовъ многіе изъ нихъ, быть можетъ, лягутъ здѣсь среди полусгнившихъ картофельныхъ тычковъ, на мокрой землѣ, обративъ блѣдныя, мертвыя лица къ холодному небу, тому самому, которое плачетъ теперь и надъ ихъ далекой сѣрой и милой родиной.

Позади, утопая въ размокшей пахотѣ, все устанавливалась и никакъ не могла установиться какая-то батарея. Оттуда долетали простуженные, озлобленные голоса, шлепанье пагаекъ и тяжелое надрывистое храпѣнье лошадей. Впереді одиноко бродили подъ дождемъ мокрыя фигуры офицеровъ въ насквозь промокшихъ шинеляхъ, а еще дальше, за завѣсой дождя и густого тумана, гудѣли пушки, неизвѣстно—свои или чужія! По временамъ пальба уходила вдаль и направо, и тогда гулъ орудій слышался тяжело и глухо, точно катали по землѣ чугунные шары, а иногда выстрѣлы совсѣмъ близко съ трескомъ рвали воздухъ, лопаясь какъ будто надъ самой головой.

Прямо противъ взвода стоялъ ротный командиръ и все время подъ полой закуривалъ папиросы, такъ часто, что казалось, что все время, вотъ уже часа три, онъ закуриваетъ одну и ту же папироску и никакъ закурить не можетъ. Солдаты сосредоточенно смотрѣли ему въ спину, и почему-то всѣмъ болѣзненно хотѣлось помочь ему.

Было холодно, сыро, и подъ ложечкой сосало что-то противное, ноющее, безконечное: не то, что страхъ, а какая-то безпредметная тоска, которую можно было бы выразить тремя словами:

— Хоть бы скорѣе!..

Такъ шло нѣсколько часовъ, но около полудня все страшно и рѣзко измѣнилось.

Хотя небо попрежнему было сѣро, и дождь моросилъ не-

устаино, но стало свѣтлѣе, и облака въ одномъ мѣстѣ сдѣлались бѣлыми и яркими. За ними почувствовалось невидимое солнце, но среди этого бѣлаго холоднаго свѣта стало какъ-то остро и безпокойно, и ноющая тоска начала переходить въ нервную тревогу, которую трудно было выносить.

Совершенно неожиданно, хотя всѣ этого ждали, откуда-то проскакалъ адъютантъ на взмыленной, лохматой отъ сырости лошаденкѣ. Забѣгали офицеры, послышались рѣзкіе командные крики и рожки горнистовъ.

— Ну, братцы!...—высокимъ, сорвавшимся голосомъ произнесъ кто-то въ рядахъ, и всѣ слышали этотъ голосъ и поняли его, но никто не оглянулся.

Сѣрая масса людей вдругъ тронулась, какъ-то охнула, волнообразно изогнулась, и весь полкъ, увязая въ грязи и падая на каждомъ шагу, покотился впередъ, на подъемъ безконечнаго поля, вдругъ ставшаго новымъ и жуткимъ.

Солдаты, съ посѣрѣвшими странными лицами, крестились па-бѣгу, отставали, опережали другъ друга и, когда ихъ остановили на гребнѣ холма, сбились и смѣшались кучками, изломанными линиями, сразу обративъ полкъ въ нестройную толпу запыхавшихся и недоумѣвающихъ людей. Нѣкоторые такъ и держали ружья на перевѣсѣ, забывъ ихъ опустить.

Впереди сизѣлъ все тотъ же дождь, и тянулось все то же, чужое, незнакомое поле, но теперь на немъ что-то копошилось, двигалось, сверкало блѣдными огоньками, рассыпаясь непрерывной ружейной трескотней.

На сѣромъ небѣ, казалось, все на одномъ и томъ же мѣстѣ стояла какая-то черная черточка и то увеличивалась, то уменьшалась. И когда увеличивалась, то сверху чуть слышно доносилось страшное жужжаніе, и всѣ солдаты поднимали вверхъ сѣрья, блѣдныя лица.

Потомъ сзади, тоже сверху, слышалось быстро приближающееся мощное жужжаніе, и надъ головами солдатъ совсѣмъ низко, тяжело, какъ промокшая птица, пролетѣлъ русскій аэро-

планъ. Онъ быстро сталъ уменьшаться, поднимаясь все выше и выше, и солдаты видѣли, какъ уменьшалось разстояніе между нимъ и той черной черточкой, которая парила далеко въ небѣ. Въ рядахъ послышались голоса и, когда та далекая черточка быстро стала уменьшаться, точно падая къ горизонту, голоса стали громки и веселы.

— Ага, не нравится!.. На утекъ пошелъ, братцы!.. Ловко!.. Молодцы!..—послышалось по рядамъ.

Солдаты ожили и на мгновение забыли о себѣ, о той тяжелой неизвѣстной судьбѣ, которая ожидала ихъ самихъ.

— То-то бы тебя, Ермилычъ, на еропланъ посадить... Ловокъ бы ты былъ!..—шутили солдаты другъ надъ другомъ.

И вдругъ впереди послышался нестройный многоголосый крикъ, усиленная беспорядочная трескотня, и оттуда сначала по одному, потомъ кучками и, наконецъ, разсыпной, растерянной массой повалила толпа такихъ же сѣрыхъ солдатъ другого полка, той же дивизіи. Еще издали можно было разсмотрѣть ихъ блѣдныя лица съ широко раскрытыми глазами, съ округленными ртами и выраженіемъ безумнаго ужаса.

Офицеры Ашкадарскаго полка, махая шашками и что-то крича, побѣжали по размытой пахотѣ навстрѣчу бѣгущимъ, но сѣрая толпа моментально сбила, смяла, закрыла ихъ, смѣшалась съ рядами Ашкадарцевъ, и все сразу потеряло тотъ смыслъ, который имѣло до сихъ поръ.

Какъ волна уноситъ разорванную въ одномъ мѣстѣ плотину, такъ бѣгущіе сбили и унесли стоявшій полкъ. Частью побѣжали и сами Ашкадарцы, сами не зная почему, и только чувствуя ту стихійность, передававшуюся отъ человѣка къ человѣку, которая неудержимо толкаетъ въ спину и заставляетъ бѣжать куда бы то ни было, только дальше и дальше.

Вся масса людей кинулась внизъ подъ уклонъ, сѣрнула въ сторону, наткнувшись на батарею, съ которой что-то кричали и махали руками, затѣмъ набѣжала на правильную линію сѣрыхъ солдатъ, быстро идущихъ навстрѣчу, съ штыками наперевѣсъ,

метнулась въ одну сторону, въ другую, назадъ и впередъ, и, наконецъ, бросилась вразсыпную, оглашая воздухъ бѣшеннымъ крикомъ и беспорядочной стрѣльбой.

И вотъ тутъ-то этотъ второй взводъ третьей роты, потерявъ свой полкъ и офицеровъ, въ составѣ всего семнадцати человѣкъ, по стихійной привычкѣ державшихся вмѣстѣ, очутился въ сторонѣ отъ боя, въ какомъ-то узкомъ глинистомъ оврагѣ, поросшемъ мелкимъ лѣсомъ.

Оврагъ былъ глубокой съ изрытыми водой глинистыми берегами, надъ которыми высоко мутной, неровной полосой тянулось сѣрое небо, моросившее неустаннымъ дождемъ на размокшую красную глину, на мокрая березки и кучку солдатъ, сбившихся съ толку и торопливо, по инерціи, бредущихъ все дальше и внизъ.

Солдаты были все изъ запасныхъ, коренастые, бородатые и рябые мужики Костромской и Новгородской губерніи, и среди нихъ—черненькій еврей, Гершель Макъ, который одинъ и думать и соображалъ за всѣхъ.

Всѣмъ остальнымъ сѣрымъ мужикамъ, взятымъ прямо изъ деревни, совершенно было непонятно, какимъ образомъ все это произошло, и произошло ли вообще что-нибудь; было ли сраженіе, плохо или хорошо то, что они остались безъ офицеровъ въ какомъ-то проклятомъ оврагѣ и что изъ всего этого выйдетъ? Только Гершель Макъ понималъ, что сраженіе было, что передовыя цѣпи попали подъ перекрестный огонь пулеметовъ, что произошла паника, что Ашкадарскій полкъ былъ сбитъ толпой бѣглецовъ и разстроился безъ выстрѣла, а теперь они предоставлены на волю судебъ, неизвѣстно, гдѣ, можетъ-быть, въ самомъ центрѣ непріятельской позиціи. Гершель Макъ понималъ, что никому до нихъ теперь нѣтъ и не можетъ быть никакого дѣла, а потому они должны выпутываться сами, и его изворотливый еврейскій умъ сразу заработалъ во-всю.

Дождь журчалъ по склонамъ оврага и по дну его, и за водяной пѣсенкой только изрѣдка гдѣ-то наверху слышались

трескотня пулеметовъ и буханье пушекъ. Оврагъ шелъ внизъ и, должно быть, въ лѣсъ, потому что деревья становились все чаще, и на землѣ вмѣстѣ съ грязью лежалъ теперь толстый слой полусгнившихъ вялыхъ листьевъ.

Раза два вверху слышалось тяжелое жужжанье, и солдаты невольно подымали глаза, но аэроплана не было видно и неизвѣстно было, свой онъ или чужой.

Гершель Макъ шелъ позади всѣхъ и напряженно думалъ:

— Что же мы будемъ дѣлать, когда встрѣтится непріятель? Ну, когда былъ полкъ, такъ они себѣ ужъ знали что дѣлать... А мы же не знаемъ высокихъ военныхъ правилъ!.. Можетъ быть, намъ совсѣмъ не пужно драться, можетъ быть, по высокимъ военнымъ правиламъ нужно немножко отступить?.. Мы же ничего не знаемъ!..

И какъ-разъ въ эту минуту на противоположномъ берегу ручья, разливагося въ плоскія мутныя лужи, среди древесныхъ стволовъ замелькало что-то темное, и показались незнакомые солдаты въ свѣтло-сѣрыхъ шинеляхъ, въ лакированныхъ черныхъ каскахъ, обтянутыхъ въ полотняные чехлы.

Это былъ такой же заблудившійся, отбившійся отъ своихъ, непріятельскій отрядикъ, которымъ предводительствовалъ огромный рыжебородый унтеръ-офицеръ.

Нѣмцы шли такъ же неуверенно, съ ружьями наперевѣсь, трусливо озираясь по сторонамъ и только что собирались остановиться, чтобы обсудить свое незавидное положеніе, какъ увидѣли рыже-сѣрые шинели и штыки.

— Стой!— заоралъ бѣлоусый костромичъ такъ, что двѣ вороны камнемъ взлетѣли надъ оврагомъ и понеслись, косо забирая по вѣтру, прочь отъ этого мѣста.

Гершель Макъ чуть не упалъ въ воду.

Съ той стороны раздалась жидкіе, разрозненные крики изумленія и ужаса, и вдругъ наступила зловѣщая, напряженная тишина.

Рыжіе и сѣрые солдаты стояли шагахъ въ пятидесяти другъ

отъ друга, раздѣленные мелкимъ мутнымъ ручьемъ, по которому неустанно колотить дождь, и скорѣе удивленно, чѣмъ испуганно, смотрѣли во все глаза.

— А... послушайте... а...—зашепталъ Гершель Макъ, дотрогиваясь до ружья бѣлоусаго костромича.

Но въ это время, какъ по командѣ, сѣрые солдаты стступили шага на два, разомъ опустились на колѣни, и трескъ недружнаго залпа разодралъ мелкій воздухъ.

Бѣлоусый костромичъ и другой русскій солдатъ, нижегородскій многосемейный мужикъ, котораго въ ротѣ звали «Дядя», взмахнули руками и тяжело шлепнулись въ размокшую глину.

Костромичъ былъ убитъ наповаль, а Дядя схватился за животъ, съѣлъ и взвылъ тоненькимъ пронзительнымъ голосомъ:

— Бра-атцы!..

И дикая злоба, неукратимая и полная ужаса, похожая на ту нервную злость, съ которой убиваютъ и топчутъ змѣю, вдругъ охватила солдатъ. Дробь разрозненныхъ выстрѣловъ посыпалась между мокрыхъ деревьевъ, и нестройный крикъ повисъ въ сыромъ туманѣ. Пули засвистали далеко по лѣсу, чмокая въ глину.

Березывые листья, тихо кружась, опускались на землю, а на ней, то падая, то подымаясь, въ судорожныхъ движеніяхъ боли и ужаса закопошились три свѣтлосѣрая фигуры.

И первый замолкъ, уткнувшись лицомъ въ холодную муть ручья, огромный бородатый унтеръ-офицеръ.

Въ отвѣтъ снова затрещалъ еще болѣе нестройный залпъ, и потомъ уже съ обѣихъ сторонъ посыпались одиночные безтолковые выстрѣлы, прерываемые злобнымъ крикомъ, стономъ и хрипомъ.

Блѣдные огоньки мелькали со всѣхъ сторонъ, съ березокъ легла бѣлая кора, видны были торопливо возившіяся съ ружейными затворами дрожація руки и блѣдныя искаженные лица. Надъ ручьемъ потянуло острымъ запахомъ пороха и грови, сызыи дымокъ медленно потянулся кверху, выбираясь между вѣт-

ками березокъ, вздрагивающихъ точно отъ страха, а подъ ними двѣ кучки людей, рыжихъ и сѣрыхъ, заряжая и стрѣляя, били другъ друга, усыпая мокрую землю разбитыми, корчащимися и стонущими тѣлами.

И вдругъ стрѣльба затихла такъ же неожиданно, какъ и началась.

На открытомъ мѣстѣ уже никого, кромѣ раненыхъ и убитыхъ, не было. Рыжіе солдаты залегли за камни, а сѣрые попрятались за деревья. Огонь смолкъ.

Еще долго сердца дрожали мелкой мучительной дрожью и въ глазахъ стоялъ тотъ же нечеловѣческій злобный ужасъ, но никто не стрѣлялъ.

И такъ прошелъ часъ и другой.

Солдаты молча лежали за камнями, другіе такъ же молча тащились въ перелѣскѣ и зорко ненавидящими острыми глазами, подмѣчающими малѣйшее движеніе врага, слѣдили другъ за другомъ.

Только «Дядя», прислонившись спиной къ дереву, тихо и жалобно, точно муха въ паутинѣ, стоналъ отъ боли, да на той сторонѣ все силилась подняться изъ мутной лужи блѣдная безусая голова съ помертвѣлыми глазами, уже подернутыми пленкой близкой смерти. Но на нихъ никто не обращалъ вниманія.

Каждый чувствовалъ на себѣ зоркіе, беспощадные глаза врага и не смѣлъ шевельнуться, не смѣлъ вытянуть онѣмѣвшую ногу. Разъ одинъ сѣрый солдатъ попытался перемѣнить мѣсто, и сейчасъ же съ той стороны треснули три выстрѣла, и солдатъ только перевернулся и затихъ, точно и въ самомъ дѣлѣ ему только хотѣлось перевернуться на другой бокъ. Позже было убито еще два человѣка, по одному съ каждой стороны, и опять все затихло, только дождь шумѣлъ, точно кто-то незримый горько плакалъ въ лѣсу.

Время шло и росло страшное нервное напряженіе, похожее на предсмертную тоску. Было очевидно, что такъ продолжаться

долго не можетъ, и всѣ знали, что первый, кто подыметъ голову, будетъ застрѣленъ, какъ собака.

Богъ знаетъ, какія странныя и мучительныя мысли проходили въ отуманенныхъ злобой и страхомъ головахъ. Эти головы были теперь тупы, сбиты съ толку.

Гершель Макъ остро чувствовалъ, что ему хочется жить, что у него, какъ и у всѣхъ этихъ, и сѣрыхъ и рыжихъ солдатъ, есть отецъ и мать, есть свои маленькія завѣтныя желанія, далекія отсюда. И еще ему было жалко и «Дядю» и того умирающаго въ мутной лужѣ нѣмца, котораго, быть можетъ, убила пуля «Дяди».

Время шло, росъ нестерпимый нервный ужасъ, и страшное, какъ струна, готовая лопнуть, внутреннее напряженіе начинало переходить въ то кошмарное состояніе, когда у людей начинаютъ дрожать лица, руки и ноги, передъ глазами встаетъ красный туманъ, исчезаетъ страхъ смерти и страданія, и все человѣческое претворяется въ стихійное, звѣриное бѣшенство.

И вотъ, когда струна была готова лопнуть, когда кошмаръ готовъ былъ разразиться беспощадной схваткой, Гершель Макъ, не въ силахъ будучи справиться съ натянувшимися нервами, жалобно взмолился на языкѣ своихъ отцовъ:

— Шма исроэль!.. Шма исроэль!..

Свои не поняли его и только съ ужасомъ, какъ на сумасшедшаго, мелькомъ оглянулись на него, но съ той стороны отозвался ему такой же жалкій, испуганный голосъ на еврейскомъ языкѣ:

— Еврей?.. Еврей!..

Гершель Макъ замеръ. Нельзя передать той безумной радости, того чистаго человѣческаго восторга, какимъ наполнилось сердце его, когда оттуда, откуда онъ ждалъ только ненависти и смерти, раздались знакомыя, понятныя, человѣческія слова.

Онъ вскочилъ на колѣни, поднялъ руки, забывая о смертельной опасности, и крикнулъ, точно отозвался въ пустынь:

— Я!.. Я!..

Треснулъ выстрѣль, но только фуражка Гершеля Мака, подпрыгнувъ, слетѣла въ лужу.

За ручьемъ изъ-за дерева смотрѣла на него характерная, съ торчащими изъ-подъ лакированной каски ушами, человѣческая голова.

— Не стрѣлай!.. Не стрѣлай!..—кричалъ Гершель Макъ по-русски, по-нѣмецки и по-еврейски сразу, безтолково размахивая руками.

И тотъ еврей, въ длинной свѣтло-сѣрой шинели, тоже что-то кричалъ своимъ. И уже не одна голова, а десятокъ удивленныхъ лицъ смотрѣли на Гершеля Мака удивленными, обрадованными глазами. Въ этихъ глазахъ, вдругъ ставшихъ простыми, понятными, перепуганными человѣческими глазами, виднѣлась смутная, еще непонятная имъ самимъ надежда.

Тогда Гершель Макъ и еврей въ свѣтло-сѣрой шинели выскочили на открытое мѣсто и, шлепая прямо по водѣ, довѣрчиво побѣжали другъ къ другу. Они сошлись между двумя все еще враждебно торчащими рядами ружейныхъ стволовъ и въ порывѣ неразсуждающей человѣческой радости обнялись.

— Вы еврей?—спросилъ сѣрый солдатъ.

И они стояли и смотрѣли другъ на друга, какъ два старые знакомые, неожиданно встрѣтившіеся тамъ, гдѣ всего меньше можно было ожидать этого.

Въ сумерки, подобравъ своихъ рененыхъ и убитыхъ, осторожно оглядываясь назадъ, солдаты тихо расходились въ разныя стороны по оврагу, уже посинѣвшему отъ вечерняго тумана.

Тѣ, которые шли сзади, съ недовѣрчивымъ недоумѣніемъ поглядывали назадъ, на враговъ, и руки ихъ судорожно сжимали холодныя дула ружей. Только Гершель Макъ и еврей въ сѣрой шинели шли спокойно.

А потомъ Гершель всю дорогу болталъ, какъ обезьяна, при-

ставая то къ одному, то къ другому изъ сбитыхъ съ толку, недоумѣвающихъ солдатъ.

Онъ что-то говорилъ о своемъ восторгѣ, о какой-то великой миссиі еврейства. Но его никто не слушалъ и кто-то даже сказалъ ему беззлобно:

— А поди ты къ чорту, пархатый жидъ!..